

Александр Пушкин

Медный всадник

Поэмы

ПОЛКА

альпина
ПРОЗА

Москва, 2025

Портрет Александра Пушкина.
Томас Райт. 1836 год

*Текст печатается по изданию: Пушкин А. С. Полное собрание сочинений
в 19 томах. Т. 4, 5. — М.: Воскресенье, 1994.*

УДК 821.161.1
ББК 84(2=411.2)
П91

Пушкин А.

П91 Медный всадник. Поэмы / Александр Пушкин. — М. : Альпина
Пабlisher, 2025. — 307 с. : ил. — (Главные книги русской литературы).
ISBN 978-5-9614-9134-0

ISBN 978-5-9614-8300-0 (серия)
ISBN 978-5-9614-9134-0

*Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена
в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение
в интернете и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного
или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских
прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства
обращайтесь по адресу mylib@alpina.ru.*

© Шубинский В., предисловие, 2024
© ООО «Альпина Пабlisher», 2025

Предисловие «Полки»

*В своих поэмах Пушкин проходит путь
от волшебной сказки и романтических
подражаний Байрону до создания собственной —
и, значит, отчасти общей — исторической
концепции и мифологии.*

Валерий Шубинский

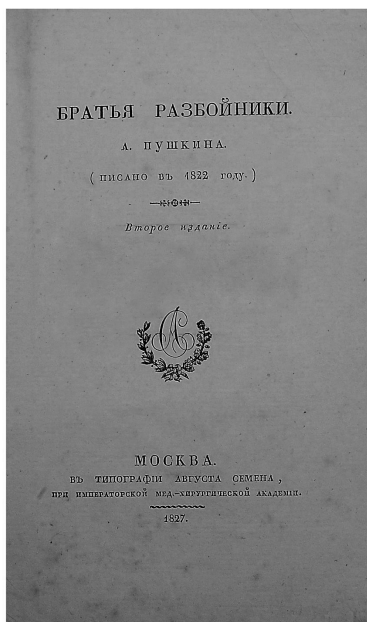
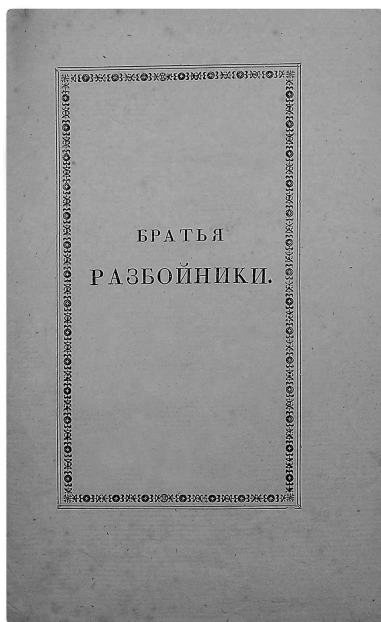
О ЧЕМ ЭТА КНИГА?

Поэмы Пушкина — целая энциклопедия романтических мотивов и образов. Здесь есть место и лукавой, занимательной сказке («Руслан и Людмила»), и эффектным приключениям в экзотических для жителя Средней России местах (горном Кавказе и татарском Крыму), и трагической самореализации гордой, необузданной личности («Цыганы»), и историческому эпосу, в котором судьбы и страсти отдельных людей сложно накладываются на судьбы народов («Полтава»), и жесткому столкновению великих замыслов и свершений с судьбами частного, «маленького», лишённого амбиций человека («Медный

всадник»), и метафизическому спору доброго и злого начал («Сцена из Фауста»). В то же время здесь присутствует и бытовой, приземленный, житейский уровень бытия и связанных с ним человеческих отношений («Граф Нулин» и «Домик в Коломне»), становящийся объектом романтической иронии.

КОГДА НАПИСАНЫ ЭТИ ПОЭМЫ?

Поэмы создавались на протяжении многих лет. Поэма «Руслан и Людмила», как считается сейчас, написана в 1818–1820 годах (раньше начало работы над поэмой относили к 1817 году).

Первое издание поэмы «Братья разбойники». 1827 год

«Кавказский пленник» начат в августе 1820-го в Гурзуфе (Крым), окончен 20 февраля 1821 года в Каменке (имение будущего декабриста Василия Давыдова). «Бахчисарайский фонтан» начат весной 1821-го и завершён осенью 1823 года (основная работа над поэмой приходится на 1822 год). «Братья разбойники» — сохранившаяся часть большой поэмы «Разбойники», над которой Пушкин работал в июле–апреле 1822 года. «Цыганы» написаны в апреле–октябре 1824 года в Одессе и затем в Михайловском. «Сцена из Фауста» датируется 1825 годом, «Граф Нулин» создан 13–14 декабря того же года. «Полтава» написана в 1828 году. «Домик в Коломне» — один из плодов «Болдинской осени» (поэма завершена 10 октября 1830 года). Наконец, «Медный всадник» создан там же, в Болдине, 6–31 октября 1833 года.

КАК ОНИ НАПИСАНЫ?

Как автор поэм Пушкин проходит долгий путь и претерпевает сложную эволюцию. В «Руслане и Людмиле» он следует традиции «сказочной поэмы», уходящей корнями в эпоху Ренессанса, и в то же время ведёт сложную литературную игру, перелицовывая и иногда пародируя лирические и лироэпические произведения поэтов-современников. Начиная с «Кавказского пленника» он идёт по пути Байрона, создавая совершенно новый для русской поэзии тип поэмы: с быстрой сменой

поражающих воображение картин, хронологическими скачками, пропущенными сюжетными звеньями. В «Полтаве» действие развивается в двух планах: отношения Марии и Мазепы и грандиозные исторические события, в ходе которых Мазепа оказывается врагом Петра. Это обуславливает ещё большую сложность сюжетного построения. В «Медном всаднике» общая картина наводнения и частная история Евгения также разворачиваются одновременно и параллельно, и внимание автора постоянно переключается. В то же время от типичной постбайроновской романтической поэмы «Медного всадника» отличает подчеркнутая «ничтожность» героя, внешняя прозаичность его биографии, наконец, «полифоничность» структуры. Не только герой со своей бедой время от времени теряется на фоне картин общего несчастья, но и голос автора исчезает среди «чужих слов». Именно потому Пушкин использует «прозаическое» жанровое определение («повесть»), сближающее поэму с такими произведениями 1830-х годов, как «Сирота» Вильгельма Кюхельбекера или «Тамбовская казначейша» Лермонтова. В ещё большей степени связаны с этой линией, точнее, предвещают её «Граф Нулин» и «Домик в Коломне», опирающиеся на опыт шуточной поэмы XVIII века. Наконец, «Сцена из Фауста» — мини-пьеса, отсылающая нас к «Фаусту» Гёте (хотя сама сцена никаких соответствий у Гёте не имеет).

Все поэмы Пушкина, кроме «Домика в Коломне» и не включённых в настоящее

издание «Гавриилиады» и «Анджело», написаны четырехстопным ямбом. В «Домике в Коломне» пятистопный ямб сочетается с октавой — стиховой формой, которая отсылает (через «Дон-Жуана» Байрона) к героическим поэмам эпохи Ренессанса — «Неистовому Роланду» Ариосто и «Освобожденному Иерусалиму» Тассо — и при этом травестируется «пустяковым» сюжетом.

ЧТО ПОВЛИЯЛО НА ПУШКИНСКИЕ ПОЭМЫ?

Круг влияний у каждой из поэм свой. Как считается, образцом для «Руслана и Людмилы» послужила поэма Лудовико Ариосто (1474–1533) «Неистовый Роланд», которую Пушкин знал в прозаическом французском переводе. На стилистику поэмы повлияла «Орлеанская девственница» (1755) Вольтера. Отмечается влияние русских «сказочных» поэм XVIII века («Бахариана» Михаила Хераскова, «Душенька» Ипполита Богдановича, «Добрыня» Николая Львова, «Алеша Попович» и «Чурило Пленкович» Николая Радищева, «Илья Муромец» Николая Карамзина). Пушкин также вступает в сложный диалог со своими ближайшими предшественниками — Василием Жуковским и Константином Батюшковым; в частности, он пародирует (в истории Ратмира) «старинную повесть в двух балладах» Жуковского «Двенадцать спящих дев» (1810–1817).

Джордж Гордон Байрон

Несомненно, в числе источников поэмы были русские лубочные повести («Еруслан Лазаревич»). Наконец, важным толчком к написанию поэмы стало чтение «Истории государства Российского» Карамзина. Оттуда заимствованы имена Рогдая, Ратмира и Фарлафа, описание пира князя Владимира.

«Кавказский пленник» — первый в России образец «байронической поэмы». На него повлияли прежде всего «Гяур», «Паломничество Чайльд-Гарольда» и «Корсар». Эти поэмы Байрона Пушкин (еще слабо владевший в 1820 году английским языком) читал в основном в прозаическом французском переводе. При этом пушкинист Олег Проскурин отмечает, что замысел поэмы

возник у Пушкина до знакомства с творчеством Байрона, и указывает на русские источники («Бедную Лизу» Карамзина) и на рассказы, которые Пушкин мог слышать во время путешествия на Кавказ в 1820 году. Сам Пушкин в примечании цитирует оду Державина «На возвращение графа Зубова из Персии» (1797) и стихотворение Жуковского «А.Ф. Воейкову» (1814), вводящие в русскую поэзию тему и образы Кавказа.

В «Братьях разбойниках» современники видели влияние «Шильонского узника» (1816) Байрона, перевод которого, выполненный Жуковским, появился в том же 1822 году. Сам Пушкин в письме к Петру Вяземскому указывает на реальный источник поэмы: «Истинное происшествие подало мне повод написать этот отрывок. В 1820 году, в бытность мою в Екатеринославле, два разбойника, закованные вместе, переплыли через Днепр и спаслись. Их отдых на острове, потопление одного из стражей мной не выдуманы».

На «Бахчисарайский фонтан», кроме Байрона, повлияли ориентальные мотивы романтической поэзии («Лалла-Рук» Томаса Мура) и многочисленные исторические и описательные сочинения, посвященные Крыму, — «История Тавриды» Станислава Сестринцевича-Богуша, сочинения Габриэля де Кастельно, Павла Сумарокова, Ивана Муравьева-Апостола. Большой интерес у Пушкина вызвала поэма не понятого и осмеянного современниками Семена

Боброва «Херсонида» (в первой редакции «Таврида»; 1798–1804).

На «Цыган» оказало влияние чтение Шекспира (что выразилось в «драматургической» структуре поэмы); кроме того, поэма отразила влияние идей Жан-Жака Руссо. Личное знакомство Пушкина с жизнью бессарабских цыган (несмотря на легенду о долгом пребывании его в таборе) было, видимо, поверхностным.

На «Графа Нулина» повлияла поэма Байрона «Беппо» (1817–1818), хотя сюжеты во многом зеркальны: у Байрона многолетняя измена не влечет никаких последствий; у Пушкина измены в конечном счете не происходит, но сами посягательства графа вызывают скандал; притом автор явно намекает на особые отношения Натальи Павловны с соседом Лидиным. Филолог Наталья Вершинина указывает также на связь сюжета поэмы с эпизодом «Орлеанской девственницы» Вольтера, когда Жанна дает одному из посягающих на ее честь мужчин оплеуху.

В «Сцене из Фауста» отразилось, естественно, влияние первой части «Фауста», знакомой Пушкину во французском переводе.

В «Полтаве» Пушкин соединяет байронизм с унаследованными от XVIII века традициями поэмы-эпопеи. Толчком к написанию поэмы и предметом полемики стала поэма Кондратия Рылеева «Войнаровский» (1824), которую Пушкин, в отличие от большинства других произведений Рылеева, высоко оценил. Внимание Пушкина привлекла и дума

Рылеева «Петр Великий в Острогожске» (1823), герои которой — Петр и Мазепа. В то же время Пушкин держит в уме поэму Байрона «Мазепа» (1818), отражающую легендарный эпизод из молодости гетмана. Вопрос об исторических источниках «Полтавы» был в 1939 году освещен в статье Н.В. Измайлова. Исследователь указывает на «Историю казаков» (1814) Шарля-Луи Лезюра, на сочинения Ивана Голикова, Дмитрия Бантыш-Каменского, Феофана Прокоповича, Вольтера и других.

В «Домике в Коломне», кроме уже упомянутой поэмы «Беппо», очевидно (в том числе в строфике) влияние «Дон Жуана» Байрона.

В «Медном всаднике» отразился, во-первых, весь корпус ранее написанных русских поэтических текстов, посвященных Петербургу, начиная с Ломоносова и Тредиаковского и кончая Вяземским и Степаном Шевырёвым; во-вторых, эссе Константина Батюшкова «Прогулка в Академию художеств» (1814), в котором впервые возникает мотив «строного, стройного вида» Петербурга, каким он предстает в эпоху александровского ампира. В поэме есть прямые ссылки на «Письма о России» (1739) итальянского писателя Франческо Альгаротти. Наконец, Пушкин ведет прямой диалог со своим другом, соперником и (в 1830-е годы) идейным противником — Адамом Мицкевичем, с его стихотворениями «Памятник Петру Великому» и «Олешкевич». Кроме того,

Степан Земликов. Портрет гетмана Ивана Мазепы (предположительно). XIX век

существует версия философа и филолога Михаила Эпштейна о параллелях между «Медным всадником» и опубликованной в 1832-м второй частью «Фауста», написанной тоже отчасти под впечатлением от петербургского наводнения.

КАК ОНИ БЫЛИ ОПУБЛИКОВАНЫ?

Поэма «Руслан и Людмила» сначала публиковалась в отрывках: фрагмент первой песни в журнале «Невский зритель» (1820. Ч. I) и отрывок из третьей песни в журнале «Сын отечества» (1820. Ч. 61. №XV–XVI). Отдельное издание

вышло в мае 1820-го, как раз во время ссылки Пушкина на юг. Для нового издания в 1828 году поэма была существенно переработана: добавлено знаменитое вступление («У Лукоморья дуб зеленый...»), изъят ряд фрагментов, в основном эротического характера.

«Кавказский пленник» вышел в августе 1822 года. «Братья разбойники» опубликованы в альманахе «Полярная звезда» и вышли отдельным изданием в июне 1827 года. «Бахчисарайский фонтан» вышел из печати в Петербурге 10 марта 1824 года с предисловием Вяземского («Разговор между издателем и классиком с Выборгской стороны или с Васильевского острова») и с приложением «Выписки из путешествия по Тавриде И.М. Муравьева-Апостола».

«Цыганы» в отрывках опубликованы в альманахах «Полярная звезда» на 1825 год и «Северные цветы» на 1826 год, отдельное же издание вышло в 1827-м.

«Граф Нулин» опубликован в 1828-м под одной обложкой с поэмой Баратынского «Бал», под названием «Две повести в стихах».

«Сцена из Фауста» напечатана в журнале «Московский вестник» (1828. №8) под названием «Новая сцена из Фауста».

«Полтава» вышла в 1829 году.

«Домик в Коломне» напечатан в 1833 году в альманахе «Новоселье» с ошибочной датировкой 1829 годом.

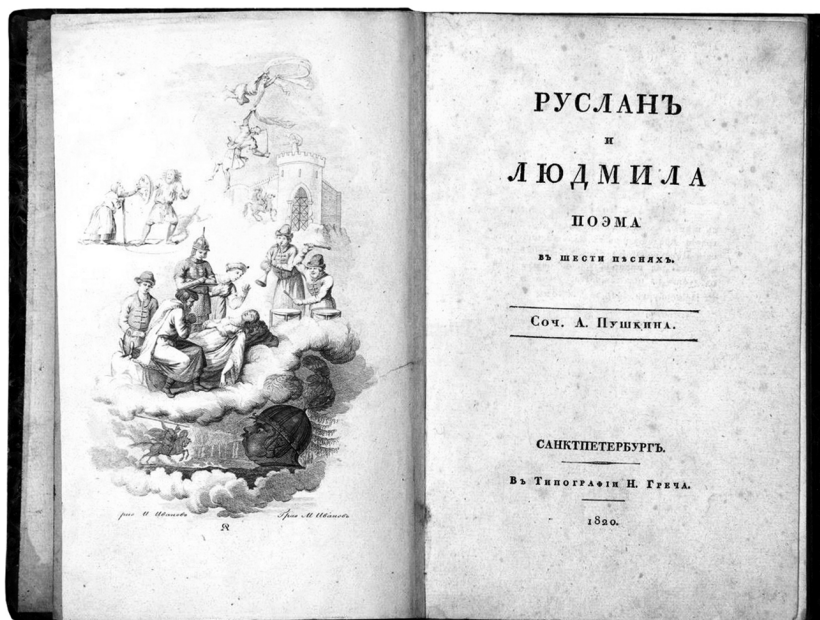
«Медный всадник» цензурировался (как и ряд других произведений

Пушкина) лично Николаем I. Так как Пушкин не согласился с его замечаниями, публикация поэмы была отложена, и лишь вступление (с изъятиями ряда строк) было напечатано в 12-м номере журнала «Библиотека для чтения» за 1834 год. В 1836-м Пушкин вернулся к тексту поэмы и попытался его переработать. Текст, радикально отредактированный Жуковским в соответствии с требованиями царя, был посмертно напечатан в «Современнике» (1837. Т. V). При этом из поэмы исчезла кульминационная сцена: вызов, брошенный Евгением Петру. Аутентичный текст опубликован в 1904 году, однако его текстологическое уточнение (с учетом прижизненных рукописных вариантов) продолжалось до 1949-го, когда был сформирован канонический вариант.

КАК ПРИНИМАЛИ ПУШКИНСКИЕ ПОЭМЫ?

Количество отзывов на поэмы Пушкина огромно.

Бурная полемика развернулась уже из-за «Руслана и Людмилы». Критик под псевдонимом Житель Бутырской слободы (Андрей Глаголев) подверг поэму резкой критике за заимствования из фольклора и «простонародность» уже после журнальных публикаций¹: «Если бы в Московское благородное собрание как-нибудь втерся (предполагаю невозможное возможным) гость с бородою, в армяке,

Первое издание поэмы «Руслан и Людмила». 1820 год

в лаптях и закричал бы зычным голосом: “Здорово, ребята!” — неужели бы стали таким проказником любоваться?» Эта статья вызвала полемические отзывы. Александр Воейков (за подписью «В») напечатал в «Сыне отечества» «Разбор поэмы “Руслан и Людмила”». Выводы критика таковы:

Поэма «Руслан и Людмила» есть новое, прекрасное явление в нашей словесности. В ней находим совершенство слога, правильность чертежа, занимательность эпизодов, приличный выбор чудесного и выдержанные от начала до конца характеры существ сверхъестественных, разнообразность и ровность в характерах

действующих героев и выдержанность каждого из них в особенности. <...> Окончив литературные наши замечания, с сожалением скажем о злоупотреблении столь отличного дарования, и это не в осуждение, а в предосторожность молодому автору на будущее время... Он беспрестанно томится какими-то желаниями, сладострастными мечтами, во сне и наяву ласкает молодые прелести дев; вкушает восторги и проч. Какое несправедливое понятие составят себе наши потомки, если по нескольким грубым картинам, между прелестными картинами расставленным, вздумают судить об испорченности вкуса нашего в XIX столетии!²

Упреки в «простонародности» и в злоупотреблении «сладострастными картинами» высказаны и в анонимной статье «Замечания на поэму “Руслан и Людмила”»³. Воейкову отвечал, заступаясь за Пушкина, П. К-в (Алексей Перовский, более известный под псевдонимом Антоний Погорельский)⁴; его статья, в свою очередь, вызвала полемические отклики Д.Л. Зыкова и М.С. Кайсарова. Полемика продолжалась и в следующем году. Так, Валериан Олин в статье «Мои мысли о романтической поэме г. Пушкина “Руслан и Людмила”»⁵ пишет: «Существенное достоинство поэмы г. Пушкина, по мнению моему, заключается в прелести поэзии; существенный недостаток оной нахожу в бедности интересов». Обсуждение поэмы шло и в частной переписке. Иван Дмитриев отзывался о ней скептически в письмах к Петру Вяземскому и Николаю Карамзину: «Недоносок пригожего отца и прекрасной матери»; «Я тут не вижу ни мыслей, ни чувств: вижу одну чувственность». Карамзин в ответном письме проявил большую снисходительность: «В ней есть живость, легкость, остроумие, вкус; только нет искусного расположения частей, нет или мало интереса; все смётано на живую нитку».

Более единодушна была критика в оценке «Кавказского пленника». Восторженный характер носила рецензия Василия Козлова: «Мудрено решить, чему отдать преимущество в сем новом произведении молодого поэта: описательной ли части оно, где все истинно, все

живописно и прелестно; или — повествовательной, в которой — говоря собственными его выражениями — “противоречия страстей, знакомые сердцу мечты и страдания” изображены столь совершенно и трогательно?»⁶ На поэму отзывались друзья Пушкина — Петр Плетнев⁷ и Петр Вяземский⁸, для которых «Кавказский пленник» стал образцом нового, романтического искусства. Более сдержанный, но также благожелательный характер носила рецензия Михаила Погодина⁹.

«Бахчисарайский фонтан» был напечатан с предисловием-манифестом Вяземского, которое вызвало бурную дискуссию с Михаилом Дмитриевым на страницах «Вестника Европы» и «Дамского журнала». Валериан Олин в «Русском инвалиде» отметил, с одной стороны, «прекрасный слог» Пушкина, с другой — «недостатки в плане» и неясные психологические характеристики действующих лиц. В полемику с Олиным вступил, заступившись за Пушкина, его будущий злейший враг Фаддей Булгарин. Панегирический характер носили рецензия Матвея Карниолина-Пинского¹⁰ и статья Александра Воейкова «О поэмах Пушкина и в особенности о “Бахчисарайском фонтане”»¹¹. Напротив, Борис Федоров в статье «Письма в Тамбов о новостях русской словесности. Письмо 1», похвалив «описательную» часть поэмы, с классицистских позиций осудил ее «повествовательную» часть¹². Об успехе поэмы свидетельствует то, что в течение 1825–1826 годов она

была переведена на немецкий, французский и польский языки.

«Цыганы», несмотря на восторженные отзывы в частных письмах (Александра Тургенева, Вяземского, Рылеева), вызвали меньше рецензий в печати. Вяземский в своей рецензии пишет: «В поэме “Цыганы” узнаём творца “Кавказского пленника”, “Бахчисарайского фонтана”, но видим уже мужа в чертах, некогда образовавших юношу. Видим в авторе более зрелости, более силы, свободы, развязности и, к утешению нашему, видим еще залог новых сил, сочной зрелости и полнейшего развития свободы»¹³. В то же время он (подчеркивая «отсутствие подражания») по-прежнему видит в Пушкине байрониста, отмечает связь «Цыган» с «Гяуром». В том же духе рассматривают поэму анонимные рецензенты «Северной пчелы».

Более сложен отзыв Степана Шевырёва: «В сем произведении заметна какая-то странная борьба между идеальностью байроновскою и живописною народностью поэта русского. Черты лиц также набросаны темно; но окружающие предметы блещут яркостью разнообразных красок. Сия борьба причиняет какое-то разногласие и неполноту в целом произведении, которое потому остается не совсем понятно для иных читателей»¹⁴. Иван Киреевский в статье «Нечто о характере поэмы Пушкина», отдавая должное красоте и выразительности стиха поэмы, скептически оценивает ее психологическую и этнографическую

достоверность: «Либо цыганы не знают вечной, исключительной привязанности, либо они ревнуют непостоянных жен своих, и тогда месть и другие страсти также должны быть им не чужды; тогда Алеко не может уже казаться им странным и непонятным; тогда весь быт европейцев отличается от них только годами образованности; тогда, вместо золотого века, они представляют просто полудикий народ, не связанный законами, бедный, несчастный, как действительные цыганы Бессарабии»¹⁵.

«Низменность» и «безнравственность» «Графа Нулина» были осуждены Николаем Надеждиным¹⁶ — что дало повод для дискуссии с участием самого Пушкина.

Бурную и долгую дискуссию вызвала «Полтава». Булгарин сперва отзывался на нее двусмысленной, хотя внешне лстивой рецензией, поставив ниже «Цыган» и «Бахчисарайского фонтана»¹⁷, затем опубликовал в «Сыне отечества» подробный разбор поэмы. Выводы его таковы: «Всякое лицо имеет свой характер, но только не такой, как нам представляет история, и, следовательно, исторические события разногласят с вымышленными характерами. Пружины слишком слабы для сильного действия, и оттого мы видим огромную машину — в бездействии. История побеждает вымысел, и оттого потеряна в нем занимательность»¹⁸.

Но критика Булгарина — ничто в сравнении со статьей Надеждина,

который (уста́ми некоего «незнакомца», с которым автор якобы не солидарен) зачеркивает не только «Полтаву», но и всю поэзию Пушкина, объявляя ее «просто пародией»¹⁹. Ксенофонт Полевой, высоко оценивший «Полтаву», констатирует: «Новая поэма Пушкина не произвела на публику такого сильного впечатления, какое производили прежние, и многим даже не имела счастья понравиться. Это естественно. Красоты ее еще слишком новы для русских читателей...»²⁰ Михаил Максимович защитил Пушкина от обвинений в исторической недостоверности²¹. Были и другие благожелательные рецензии, но в целом ни одно произведение Пушкина не было принято критикой так холодно; не имела «Полтава» и коммерческого успеха.

«Домик в Коломне» был воспринят как «забавный анекдот», а Надеждин заметил, что эта поэма «несравненно ниже “Нулина”» (некогда самим же Надеждиным обруганного).

Текст «Медного всадника» дошел до читателей в искаженном виде. Возможно, это повлияло на ее восприятие: оно поначалу было довольно сдержанным. Тем не менее высокую оценку «петербургской повести» дал Виссарион Белинский в «одиннадцатой и последней» статье из цикла «Сочинения Александра Пушкина»²². Идею «Медного всадника» Белинский интерпретирует так: «Мы понимаем смущенною душою, что не произвол, а разумная воля

олицетворены в этом Медном Всаднике, который, в неколебимой вышине, с распростертою рукою, как бы любуется городом... <...> Смирненным сердцем признаём мы торжество общего над частным, не отказываясь от нашего сочувствия к страданию этого частного».

ЧТО БЫЛО ДАЛЬШЕ?

У каждой из поэм — собственная судьба.

«Руслан и Людмила» имела такой успех, что уже в 1821 году в Петербурге был поставлен «большой волшебного-героический балет в пяти действиях» «Руслан и Людмила, или Низвержение Черномора, злого волшебника» (хореограф Адам Глушковский на музыку композитора Фридриха Шольца). В 1842 году поставлена опера Михаила Глинки. В 1972 году был снят фильм «Руслан и Людмила». Вообще поэма прочно вошла в массовую культуру.

«Кавказский пленник» тоже стал сюжетом для оперы Цезаря Кюи, впервые поставленной в 1883 году. Однако главное — то, что эта поэма вдохновила писателей последующих поколений на «ремейки»: в их числе юношеская поэма Лермонтова и знаменитый рассказ Льва Толстого (1872). У Толстого побегу пленника способствует не взрослая девушка, а тринадцатилетняя девочка, любовного сюжета нет. Рассказ Толстого, в свою очередь, стал толчком для фильма Сергея Бодрова (1996), действие которого

происходит в Чечне в 1994–1995 годах. Существует и непосредственная экранизация рассказа Толстого (1995).

На сюжет «Бахчисарайского фонтана» написан балет Бориса Асафьева (1934), на сюжет «Полтавы» — опера Бориса Фитингофа-Шеля (1866) и гораздо более знаменитая опера Петра Чайковского «Мазепа» на либретто Виктора Буренина (1884), на сюжет «Цыган» — опера Сергея Рахманинова «Алеко» (1893).

Все поэмы Пушкина были предметом многократного переосмысления и интерпретации у литературоведов разных эпох. В особенности это относится к недооцененному современниками «Медному всаднику», который оказал влияние на становление «петербургского текста русской литературы» (термин филолога Владимира Топорова) уже в 1840–1850-е годы. Начиная с 1900-х «Медный всадник» входит в читательском восприятии в число главных, базовых текстов русской поэзии XIX века. Образы «петербургской повести» многократно переосмысляются в поэзии и прозе следующего столетия (например, в стихотворении Мандельштама «Петербургские строфы», в «Петербурге» Андрея Белого и в произведениях поэтов ленинградского андеграунда 1970–1980-х годов). Откликом на «Полтаву» стала поэма Алексея Парщикова «Я жил на поле Полтавской битвы» (1985).

ЧТО ТАКОЕ ПОЭМА?

В XVIII веке с понятием «поэма» (в отличие от «оды», «песни», «послания», «сатиры») связывался прежде всего эпос в традициях Гомера и Вергилия. У поэтов XVIII века это мог быть либо эпос государственно-патриотического содержания («Генриада» Вольтера, «Петр Великий» Ломоносова, «Россиада» Михаила Хераскова), либо основанный на мифологическом («Тилемахида» Василия Тредиаковского) или библейском («Мессиада» Клопштокa) сюжете. В то же время существовала традиция комической поэмы, перенимающей и пародирующей сюжетные ходы и формы высокого эпоса («Налой» Буало, «Похищение локона» Александра Поупа, «Елисей, или Раздраженный Вакх» Василия Майкова) или излагающей мифологический сюжет «грубым слогом» (комические переложения «Энеиды» Пьера Скаррона, Николая Осипова, Ивана Котляревского, Викентия Ровинского — соответственно на французский, русский, украинский и белорусский языки). Наряду с этим в период предромантизма получил новый импульс восходящий к Ренессансу жанр «сказочной поэмы» (часто шуточной). Источником ее могла служить Античность (как в знаменитой «Душеньке» Ипполита Богдановича) или, чаще, те представления о древнерусском эпосе, которые были у людей XVIII — начала XIX века. Пушкин в «Руслане и Людмиле» довел

Александр Бенуа. Иллюстрация к «Медному всаднику»

этот жанр до совершенства и по существу «закрыл» его.

Дальше предстояла разработка нового не только для русской, но и для мировой литературы жанра «байронической» поэмы, с резкими страстями, разорванным и недосказанным сюжетом, скачками действия, быстрыми переключениями планов. Пушкин открыл этот тип поэмы в России. За ним следовали Баратынский («Эда», 1824; «Бал», 1828; «Наложница», 1831), Кондратий Рылеев («Войнаровский», 1824), Иван Козлов («Чернец», 1824), Андрей Подолинский («Борский», 1829; «Нищий», 1830), затем — молодой Лермонтов. Между тем сам Пушкин довольно быстро отказывается и от байроновского «мрачного» и «разочарованного» героя (этот образ подвергается философской рефлексии

в «Цыганах»), и от самого типа поэмы, сосредоточенного на одном герое и одном локальном конфликте. Возрождая традиции «большого эпоса», он в «Полтаве» и «Медном всаднике» связывает личные судьбы героев с событиями большой истории, вводит в текст разные голоса и разную оптику, добиваясь полифонического эффекта. Такой же эффект преследует использование драматической, диалоговой формы в «Цыганах» и «Сцене из Фауста».

В других произведениях Пушкин опирается на традицию шуточной поэмы, но уже не классицистскую (пародирующую приемы эпоса), а романтическую, подхватывающую мотивы литературы Возрождения. Для таких поэм Пушкина («Граф Нулин», «Домик в Коломне») характерна подчеркнутая «ничтожность»

действия, сводящегося к незаконченному эротическому анекдоту; цель поэта — мимоходом показать бытовые картины и продемонстрировать возможности прозы и композиции.

Сложность и недоопределенность понятия «поэмы» приводит к тому, что Пушкин называет часть своих поэм «повестями в стихах», а «Евгения Онегина» — «романом в стихах».

ОТХОДИТ ЛИ ПУШКИН ОТ РОМАНТИЗМА?

Понятие «романтизм» в русской критике появилось в 1819 году (его ввел в оборот Петр Вяземский). Сам Пушкин воспринимал его прежде всего как «отвращение от классицизма», как свободу форм и фантазии и до конца определял себя как романтика. В то же время пушкинская «школа гармонической точности» по многим параметрам выходит за границы романтизма в узком смысле слова. Исследователи русского романтизма (например, Юрий Манн) рассматривают в контексте этого направления в первую очередь «южные» поэмы Пушкина (от «Кавказского пленника» до «Цыган»).

В то же время и в более поздних произведениях Пушкин, широко вводя в действие реалистические элементы, разрушая романтические мифы (прежде всего миф об исключительной, уникальной личности, одержимой высокими страстями),

стремясь к многомерности и гармонической соотнесенности разнородных мотивов, остается во многих отношениях в рамках романтической эстетики. Например, в «Медном всаднике» романтической традиции противоречит «ничтожность» образа главного героя, прозаичность его мечтаний. Но сам характер поэтического конфликта, смешение реального и фантастического, мотив безумия — все это делает «петербургскую повесть» произведением романтической эпохи.

МОЖНО ЛИ ГОВОРИТЬ О ПУШКИНЕ КАК О РЕАЛИСТЕ?

По мере развития своей поэтики Пушкин все смелее вводит в текст реальный житейский материал. В «Графе Нулине» и «Домике в Коломне» в центре внимания именно «низкая», «пошлая» действительность. Но ее презентация — не самоцель. Пушкин точно описывает помещичий быт и быт петербургского «нижнего среднего класса», но социальные аспекты этого быта — вне его интереса. Реальность становится предметом сложной литературной игры; более того, ее прозаичность оценивается с точки зрения высоких романтических стандартов и становится объектом романтической иронии. При этом на Пушкина влияют и традиции русского классицизма: образ Нулина, пустоголового светского хлыща, поверхностно хлебнувшего французской

культуры, традиционен для русской сатиры XVIII — начала XIX века.

В «Медном всаднике» реалистическое описание жизни и психологии Евгения и наводнения контрастирует со смелыми метафорами и грандиозностью основного образа поэмы. В целом реализм зрелого Пушкина — важный элемент его поэтики, но называть Пушкина-поэта «реалистом» в том смысле, в каком мы употребляем это слово применительно к Некрасову или Толстому, все-таки трудно.

ПОЧЕМУ ГЕРОИ ПУШКИНА «РАЗОЧАРОВАНЫ»?

Мотив уныния, печали, вызванных прежде всего разлукой с возлюбленной и друзьями, — общее место предромантической и романтической лирики. В конце 1810-х годов ведущим жанром русской поэзии становится элегия, лирический герой которой не только лишен любви и дружбы, но и разочаровался в них, как и во всех радостях жизни. Типичный пример таких элегий — «Погасло дневное светило...» Пушкина (1820) или «Разуверение» Баратынского (1821). Образ мрачного, разочарованного в жизни, но именно этим привлекательного, сильного, харизматического героя был введен в массовое сознание поэмами Байрона, оказал влияние на целое поколение и еще больше усилил культ «разочарования». Резкой критике этот культ и сам жанр

элегии подверг Вильгельм Кюхельбекер в статье «О направлении нашей поэзии, в особенности лирической, в последнее время» (1824):

Да не подумают... что не признаю ничего поэтического в сем сетовании об утрате лучшего времени жизни человеческой, юности, сулящей столько наслаждений, ласкающей душу столь сладкими надеждами. Одно, два стихотворения, ознаменованные притом печатью вдохновения, проистекшие от сей печали, должны возбудить живое сочувствие, особенно в юношах, ибо кто, молодой человек, не вспомнит, что при первом огорчении мысль о ранней кончине, о потере всех надежд представилась его душе, утешила и умилила его? Но что сказать о словесности, которая вся почти основана на сей одной мысли?

Для Пушкина характерно противопоставление пресыщенного и разочарованного героя, погруженного в уныние и хандру, и персонажа, полного свежих и сильных чувств (Пленник — горянка в «Кавказском пленнике», Алеко — Земфира, Онегин — Ленский, Онегин — Татьяна, графиня — Параша в «Домике в Коломне»). Используя романтический стереотип, он ставит его в новый контекст и переосмысляет. Особый подход к теме Пушкин демонстрирует в «Сцене из „Фауста“». Уныние и «скука» Фауста — результат не его личных разочарований, но проклятия,

тяготеющего над человеческой природой, убожества и несовершенства человеческих чувств. Именно его обнажает беспощадный Мефистофель.

ПОЧЕМУ ПУБЛИКА «РАЗЛЮБИЛА» ПУШКИНА?

После бурного читательского успеха «Руслана и Людмилы», «Кавказского пленника» и «Бахчисарайского фонтана» наступило резкое охлаждение к Пушкину читателей и критики на рубеже 1820–1830-х годов. В определенной степени оно связано с разочарованием политической позицией Пушкина, его отказом от радикализма и «тираноборческих» мотивов. Но главным образом публику отталкивало усложнение структуры и идей пушкинских произведений, отсутствие центрального эффектного героя, простых и бурных «страстей», экзотики. Не следует забывать, что в результате социальных процессов 1820–1830-х годов читательский круг заметно расширился, в него пришли представители менее культурных слоев (мелкие чиновники, семинаристы, купцы и пр.), которые предъявляли к литературе более примитивные требования. Разочарование в Пушкине, неприятие «Полтавы» (а также «Бориса Годунова») сочетаются с бурным успехом авантюрно-сентиментального романа Булгарина «Иван Выжигин» и расцветом утрированного, экзальтированного романтизма в поэзии.

КАК ПУШКИН В ПОЭМАХ РАБОТАЕТ С РЕАЛЬНЫМ ИСТОРИЧЕСКИМ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИМ МАТЕРИАЛОМ?

Примером такой работы может служить «Бахчисарайский фонтан». Фонтан был установлен в правление Крым-Гирея (1758–1764) у могилы одной из его жен, мусульманки (возможно, грузинского происхождения) Дилары Бекеч. Впоследствии он был перенесен во дворец. Легенда связала его с именем польки Марии Потоцкой, якобы бывшей наложницей хана. Пушкин во время посещения Бахчисарая в 1820 году уже знал легенду о памятнике. По собственному описанию Пушкина («Отрывок из письма к Д.»): «Вошел во дворец, увидел я испорченный фонтан; из заржавой железной трубки по каплям падала вода. Я обошел дворец с большой досадою на небрежение, в котором он истлевет, и на полувосточные переделки некоторых комнат». В качестве приложения к поэме напечатан также фрагмент «Путешествия по Тавриде» Ивана Муравьева-Апостола, критически оценивающего легенду о польке-наложнице. Тем не менее Пушкин, демонстрируя читателю условность этой легенды, кладет ее в основу поэмы — причем (судя по упоминанию о «кознях Генуи лукавой») относит действие к XV–XVI векам (Бахчисарай основан в 1532 году). Имя хана Гирей — это просто название династии (точнее — Герай).

Фонтан слез. Бахчисарай

В то же время Пушкин исправляет свою грубую ошибку, допущенную вслед Байроном: в первоначальной редакции он называет евнухов «кизляры» («кизляр» — девушка, а евнух — «кизляр-баши», «начальник над девушками»).

В «Цыганах» поэтической вольностью является прежде всего описание цыган как «невинного» народа со свободными нравами, не знающего ревности и насилия.

Напротив, в «Полтаве» Пушкин настаивает на своей исторической точности и достоверности описанных событий. В частности, он пишет: «Мазепа действует в моей поэме точь-в-точь как и в истории, а речи его объясняют его исторический

характер». При этом трактовка образа Мазепы может быть воспринята как субъективная; вопрос о мотивации гетмана сложен и неоднозначен. Кроме того, Пушкин допускает (возможно, по незнанию) фактические ошибки, влияющие на его концепцию. Сватовство Мазепы и побег к нему Матрены Кочубей (чьё имя Пушкин «облагородил») относится к 1704 году. В том же году Матрена вернулась в родительский дом. Кочубей узнал о замыслах Мазепы позже, в 1706 году, и тогда же отправил первый (из трех) донос. У Пушкина Кочубей знает о мятежных намерениях гетмана, но доносит о них лишь тогда, когда Мазепа наносит ему личную обиду.

Наконец, в «Медном всаднике» Пушкин стремится к максимальной достоверности и точности в описании наводнения, снабжая «петербургскую повесть» подробнейшим фактическим комментарием и критикуя Мицкевича за вольность его описаний в «Олешкевиче» (это стихотворение он притом называет одним из лучших у польского поэта).

ПУШКИН — «ПЕВЕЦ ИМПЕРИИ И СВОБОДЫ»? КАК ЭТО СОЧЕТАЕТСЯ В ПОЭМАХ?

Формула «певец Империи и свободы» принадлежит историку и философу Георгию Федотову. «Певцом свободы» Пушкина считают прежде всего в связи с его радикальными взглядами в конце 1810-х — начале 1820-х. Но в законченных поэмах они не проявлены. Есть, однако, иная концепция свободы, к которой Пушкин пришел после своих политических разочарований: это свобода как частная независимость, о которой Пушкин говорит в стихотворении «Из Пиндемонти». Такую свободу ищет и герой «Кавказского пленника»:

*Свобода! он одной тебя
Еще искал в пустынном мире.
Страстями чувства истребя,
Охолодев к мечтам и к лире,
С волненьем песни он внимал,
Одушевленные тобою,
И с верой, пламенной мольбою
Твой гордый идол обнимал.*

Однако он оказывается в плену у горцев. Их воинственная и агрессивная «дикая вольность» — источник его неволи. Возникает парадоксальная ситуация, которую отмечает Федотов: «Чтобы примирить свое сердце с имперским сознанием, — свободу со славой, — он делает русского пленником и подчеркивает жестокость диких сынов Кавказа. Тогда казацкие линии и русские штыки становятся сами символом свободы». Поэма заканчивается гимном русскому империализму, который призван положить конец кровавым набегам, но притом и сам жесток. Эта откровенность вызвала раздражение Вяземского в письме Александру Тургеневу: «Что за герои Котляревский, Ермолов? Что тут хорошего, что он, как черная зараза, “губил, ничтожил племена”? От такой славы кровь стынет в жилах и волосы дыбом становятся. Если мы просвещали бы племена, то было бы что воспеть. Поэзия — не союзница палачей... политике они могут быть нужны, и тогда суду истории решить, можно ли ее оправдывать или нет; но гимны поэта никогда не должны быть славословием резни».

Идея завоевания и замирения Кавказа, несомненно, занимала Пушкина. Вот фрагмент из письма к брату (24 сентября 1820 года): «Кавказский край, знойная граница Азии, любопытен во всех отношениях. Ермолов наполнил его своим именем и благотворным гением. Дикие черкесы напуганы; древняя дерзость их исчезает. Дороги становятся час от часу

безопаснее, многочисленные конвои — излишними. Должно надеяться, что завоеванная сторона, до сих пор не приносившая никакой существенной пользы России, скоро сблизит нас с персиянами безопасною торговлею, не будет нам преградою в будущих войнах — и, может быть, сбудется для нас химерический план Наполеона в рассуждении завоевания Индии». Однако и здесь есть сложный подтекст: Ермолов, который особенно прославляется Пушкиным, в декабристских кругах воспринимался как потенциальный союзник борющейся за свободу Греции и, возможно, будущий освободитель России.

Не надо к тому же забывать, что для Пушкина даже «просвещение» — не абсолютное благо. В стихотворении «К морю» просвещение ставится наравне с тиранией. Утрата «дикости» в некотором смысле равнозначна утрате невинности (чему, собственно, посвящены «Цыганы»). Лишь в «диком» мире может современный Пушкину человек обрести эскапистскую свободу, но и она непрочна.

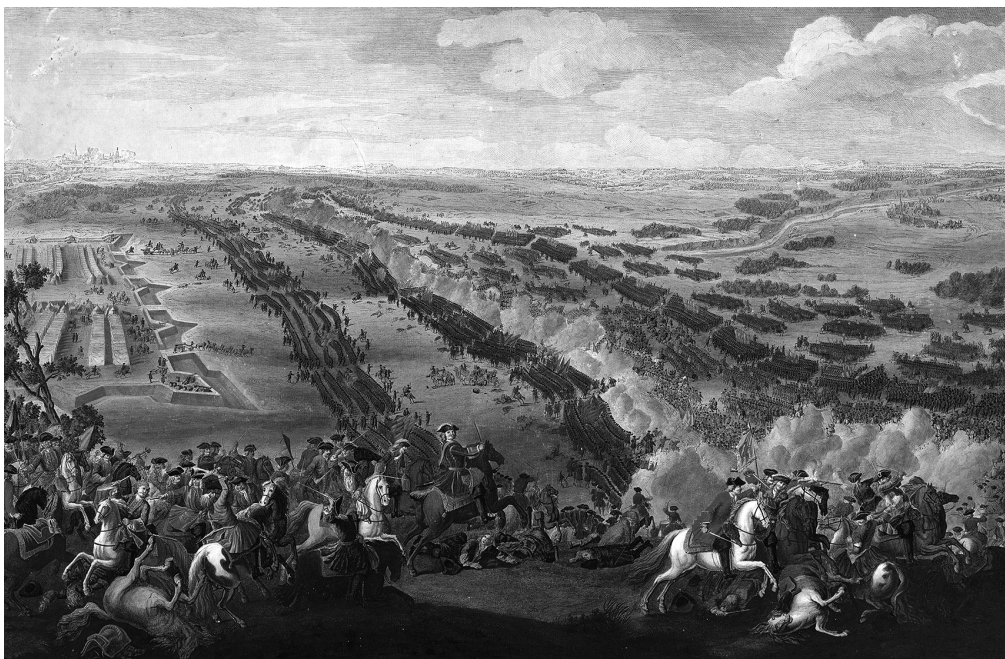
Главный «имперский» текст Пушкина — «Полтава». Глава сепаратистского украинского движения — для Пушкина лишь «изменник русского царя», причем Пушкин не верит и в искренность украинского патриотизма Мазепы. В этом отличие «Полтавы» даже от «Клеветникам России» и «Бородинской годовщины» — стихотворений, где Пушкин признает субъектность польских повстанцев и наличие у них собственной правды. Можно

долго рассуждать о политических и культурных причинах такого видения Пушкиным истории и об адекватности восприятия личности Мазепы (который и в самом деле не был рыцарем без страха и упрека). Однако важный нюанс в том, что Мазепа у Пушкина — человек, пожертвовавший ради борьбы за власть своим поэтическим даром и поставивший месть выше любви. Таким образом, и здесь возникает мотив свободы как частного бытия, «тайной свободы», которой противостоят как империя, так и борцы с ней.

Наконец, центральным оказывается этот мотив в «Медном всаднике», в котором величию имперских свершений противопоставляется принесенная ради него в жертву частная жизнь, мечта о «приюте смиренном и простом», та базовая, фундаментальная свобода и независимость человека, которая для Пушкина является высшей ценностью. В то же время Петру противостоит «стихия», бунт бессознательных природных сил, «порабощенных» человеческой волей. У этого спора нет завершения, в нем нет правых и виноватых.

КОМУ ПОСВЯЩЕНЫ ПОЭМЫ?

Посвящения есть у двух поэм. «Кавказский пленник» посвящен Николаю Николаевичу Раевскому-младшему (1801–1843), сыну героя Отечественной войны 1812 года, генерала от кавалерии Николая Николаевича Раевского-старшего

Пьер Дени Мартен. Полтавское сражение. 1726 год

(1771–1829), впоследствии генерал-лейтенанту. С семьей Раевских Пушкин в 1820 году совершил путешествие на Кавказ. С детьми генерала Раевского его связывали разнообразные отношения. Екатерина Раевская (1797–1885) — адресат нескольких любовных стихотворений Пушкина, с Александром Раевским (1795–1868), интриги которого стали одной из причин конфликта Пушкина с генералом Воронцовым и его удаления из Одессы, связаны стихотворения «Демон» и «Коварность». Однако Николай Раевский был наиболее близок Пушкину.

В посвящении упоминается легенда о том, что в сражении при Гощевой

в 1812 году генерала Раевского, ведущего войска в атаку, сопровождали его сыновья, в том числе 11-летний Николай. Сам генерал отрицал это.

«Полтава» посвящена женщине, которую биографы называют «утаенной любовью Пушкина» и с которой связано еще несколько текстов. По одной из версий, это еще одна сестра Николая Раевского-младшего — Мария (1805–1863), по мужу Волконская. В 1828–1829 годах она находилась в Сибири, куда последовала за осужденным мужем-декабристом. Возможно, слова «печальная пустыня» намекают на это. Но эта версия многими исследователями подвергается сомнению.

ЧТО БЫЛО С ЖАНРОМ ПОЭМЫ ПОСЛЕ ПУШКИНА?

Сверстники Пушкина (в том числе Баратынский) восприняли его модель поэмы. Недооцененные при жизни автора поэмы (прежде всего «Полтава») были канонизированы позднее. Лермонтов в юношеских поэмах откровенно подражает Пушкину, а в зрелый период развивает заданный им тип лиро-эпического повествования. При всем величии «Демона» и «Мцыри» эти поэмы укладываются в заданные Пушкиным границы. Линию «Графа Нулина» и «Домика в Коломне» продолжает лермонтовская «Тамбовская казначейша». Резкий поворот делает лишь Некрасов, который в своих главных поэмах — «Кому на Руси жить хорошо» и «Мороз, Красный нос» ломает основные каноны пушкинской романтической

поэмы. В первом случае он отказывается от сквозного сюжета и главного героя, превращая поэму в своего рода «репортаж» со вставными новеллами, во втором с невероятной смелостью экспериментирует с композицией и ритмом.

В XX веке этот разрыв углубляется. Поэма либо приобретает чисто лирический характер (у раннего Маяковского, у Цветаевой), либо сводится к автобиографическому повествованию («Возмездие» Блока, «Младенчество» Вячеслава Иванова, «Первое свидание» Андрея Белого), либо приобретает черты коллажа («Двенадцать» Блока, «Форель разбивает лед» Кузмина). Обращение к пушкинскому типу поэмы происходит лишь в порядке стилизации (у Бориса Садовского и молодого Набокова).

Тем не менее поэмы Пушкина остаются в русской культуре базовым, исходным образцом жанра.

Руслан и Людмила

Поэма

Посвящение

*Для вас, души моей царицы,
Красавицы, для вас одних
Времен минувших небылицы,
В часы досугов золотых,
Под шепот старины болтливой,
Рукою верной я писал;
Примите ж вы мой труд игривый!
Ничьих не требуя похвал,
Счастлив уж я надеждой сладкой,
Что дева с трепетом любви
Посмотрит, может быть, украдкой
На песни грешные мои.*

Песнь первая

У лукоморья дуб зеленый;
Златая цепь на дубе том:
И днем и ночью кот ученый
Всё ходит по цепи кругом;
Идет направо — песнь заводит,
Налево — сказку говорит.

Там чудеса: там леший бродит,
Русалка на ветвях сидит;
Там на неведомых дорожках
Следы невиданных зверей;
Избушка там на курьих ножках
Стоит без окон, без дверей;
Там лес и дол видений полны;
Там о заре прихлынут волны
На брег песчаный и пустой,
И тридцать витязей прекрасных
Чредой из вод выходят ясных,
И с ними дядька их морской;
Там королевич мимоходом
Пленяет грозного царя;
Там в облаках перед народом
Через леса, через моря
Колдун несет богатыря;
В темнице там царевна тужит,
А бурый волк ей верно служит;
Там ступа с Бабою Ягой
Идет, бредет сама собой;
Там царь Кащей над златом чахнет;
Там русский дух... там Русью пахнет!
И там я был, и мед я пил;
У моря видел дуб зеленый;
Под ним сидел, и кот ученый
Свои мне сказки говорил.

Одну я помню: сказку эту
Поведаю теперь я свету...

Дела давно минувших дней,
Преданья старины глубокой.

В толпе могучих сыновей,
С друзьями, в гряднице высокой
Владимир-солнце пировал;
Меньшую дочь он выдавал
За князя храброго Руслана
И мед из тяжкого стакана
За их здоровье выпивал.
Не скоро ели предки наши,
Не скоро двигались кругом
Ковши, серебряные чаши
С кипящим пивом и вином.
Они веселье в сердце лили,
Шипела пена по краям,
Их важно чашники носили
И низко кланялись гостям.

Слилися речи в шум невнятный;
Жужжит гостей веселый круг;
Но вдруг раздался глас приятный
И звонких гуслей беглый звук;
Все смолкли, слушают Баяна:
И славит сладостный певец
Людмилу-прелесть и Руслана
И Лелем свитый им венец.

Но, страстью пылкой утомленный,
Не ест, не пьет Руслан влюбленный;
На друга милого глядит,
Вздыхает, сердится, горит
И, щипля ус от нетерпенья,